

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА САМОЗАНЯТОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ

© Колесникова Анастасия Николаевна

обучающийся,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, г. Улан-Удэ

Cher.lrina-20@yandex.ru

© Брыкова Светлана Сергеевна

старший преподаватель кафедры ЭТГМУ

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, г. Улан-Удэ

s8yckova@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу современного состояния института самозанятости в Республике Бурятия. Рассматривается нормативно-правовая база, регулирующая применение налога на профессиональный доход, динамика численности самозанятых граждан за период 2020–2025 годов, отраслевая и территориальная структура занятости. Актуальность исследования обусловлена необходимостью оценки эффективности данного института в условиях специфики регионального рынка труда, характеризующегося значительной долей неформальной занятости и выраженной пространственной асимметрией. Установлено, что за пять лет число самозанятых в регионе возросло более чем в семнадцать раз, а налоговые поступления от данного режима увеличились в одиннадцать раз. Выявлены ключевые проблемы: территориальная диспропорция, отраслевая узость, природоохранные ограничения Байкальской природной территории. Предложены направления совершенствования региональной политики поддержки самозанятых граждан.

Ключевые слова: самозанятость, налог на профессиональный доход, рынок труда, Республика Бурятия, неформальная занятость, государственная поддержка, институт самозанятости.

CURRENT STATE OF DEVELOPMENT OF THE SELF-EMPLOYMENT INSTITUTION IN THE REPUBLIC OF BURYATIA

Anastasia N. Kolesnikova

Student,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Russia

Cher.lrina-20@yandex.ru

Svetlana S. Brykova

Senior Lecturer of the Department of ETSMU

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Russia

s8yckova@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the current state of the self-employment institution in the Republic of Buryatia. The regulatory framework governing the professional income tax is examined, along with the dy-

namics of self-employed citizens for 2020–2025, sectoral and territorial employment structure. The relevance of the study is determined by the need to assess the effectiveness of this institution in the context of the regional labor market specifics, characterized by a significant share of informal employment and pronounced spatial asymmetry. It is established that over five years the number of self-employed in the region increased more than seventeen times, while tax revenues from this regime grew eleven times. Key problems are identified: territorial disproportion, sectoral narrowness, environmental restrictions of the Baikal natural territory. Directions for improving regional policy to support self-employed citizens are proposed.

Keywords: self-employment, professional income tax, labor market, Republic of Buryatia, informal employment, state support, self-employment institution.

Трансформация российского рынка труда в последнее десятилетие сопровождается устойчивым ростом нестандартных форм занятости. Самозанятость как особый институциональный формат привлекает внимание исследователей и практиков прежде всего потому, что позволяет одновременно решать несколько социально-экономических задач: легализовать неформальную трудовую деятельность, обеспечить гражданам доступный вход в предпринимательство без административной нагрузки и сформировать дополнительные налоговые поступления в региональные бюджеты. В научной литературе неформальная занятость традиционно рассматривается как проявление институциональной слабости рынка труда, а ее легализация — как одна из приоритетных задач государственной политики [2, с. 8]. Введение специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» стало попыткой перевести значительную часть теневого сектора в легальное поле через снижение транзакционных издержек регистрации и минимизацию фискальной нагрузки.

Для Республики Бурятия обозначенные вопросы приобретают особую остроту. Регион характеризуется рядом специфических факторов, существенно влияющих на конфигурацию рынка труда: значительной долей сельского населения с традиционно высоким уровнем неформальной занятости, природоохранными ограничениями Байкальской природной территории, сдерживающими развитие ряда отраслей, а также периферийным положением в составе Дальневосточного федерального округа [1, с. 126]. В подобных условиях институт самозанятости может выступать не только инструментом налоговой политики, но и механизмом поддержания экономической активности населения в отсутствие достаточного числа формальных рабочих мест. С 2020 по 2024 год число самозанятых в республике возросло с 3 до 47 тыс. человек [5], что наглядно демонстрирует высокую востребованность нового режима. Цель настоящей статьи — оценить текущее состояние, отраслевую структуру и ключевые проблемы развития института самозанятости в Республике Бурятия, а также сформулировать практические рекомендации для региональных органов власти.

Правовой основой института самозанятости в России служит Федеральный закон от 27 ноября 2018 года № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "Налог на профессиональный доход"», действие которого изначально распространялось на четыре пилотных региона, а впоследствии было расширено на всю территорию страны. Режим предусматривает налоговую ставку 4% при получении дохода от физических лиц и 6% — от юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Годовой лимит дохода установлен на уровне 2,4 млн рублей; превышение данного порога влечет утрату статуса самозанятого. Принципиально важными конкурентными преимуществами режима являются отсутствие обязательной налоговой отчетности, освобождение от уплаты страховых взносов, а также предоставление единовременного налогового вычета в размере

10 тыс. рублей при первичной регистрации. Регистрация осуществляется дистанционно через мобильное приложение «Мой налог», что существенно снижает административные барьеры входа.

Республика Бурятия присоединилась к эксперименту в мае 2020 года на основании Закона Республики Бурятия от 12 мая 2020 года № 929-VI, войдя в число регионов второй волны расширения режима — позже большинства субъектов Российской Федерации. Данное обстоятельство необходимо учитывать при сравнительном анализе: более поздний старт обусловил эффект низкой базы и, как следствие, визуально высокие темпы прироста в первые годы работы. В числе значимых изменений 2025 года следует выделить запрет применения налога на профессиональный доход к доходам от операций с криптовалютой, расширение перечня доступных налоговых режимов для лиц, утративших статус самозанятого, а также автоматизацию статистической отчетности: сбор данных о самозанятых осуществляется теперь через Федеральную налоговую службу без участия налогоплательщиков [2, с. 10]. Последнее нововведение, с одной стороны, снижает административную нагрузку, а с другой — создает условия для более полного мониторинга реальной активности самозанятых в региональном разрезе. Созданные правовые условия сформировали устойчивые стимулы для количественного роста числа самозанятых в регионе.

Количественная динамика института самозанятости в Республике Бурятия за период 2020–2025 годов демонстрирует устойчивый и значительный рост (табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности самозанятых и налоговых поступлений
в Республике Бурятия, 2020–2025 гг.

Период	Численность самозанятых, тыс. чел.	Поступления НПД в бюджет
2020 (вход в НПД)	3,0	—
Август 2021	7,2	8,4 млн руб. (за год)
2022	~28,0	—
01.09.2024	46,5	95,9 млн руб. (янв.–авг.)
Конец 2024	~47,0	—
Середина 2025	~56,0	—

Как следует из приведенных данных, за пять лет численность самозанятых в республике увеличилась более чем в семнадцать раз — с 3,0 тыс. человек в момент вхождения в режим до порядка 56 тыс. человек к середине 2025 года. Наиболее интенсивный прирост наблюдался в 2021–2022 годах: за один только 2022 год число зарегистрированных самозанятых выросло примерно на 20 тыс. человек, что отражает как эффект накопленного спроса, так и активизацию информационной работы региональных органов власти. По состоянию на 1 сентября 2024 года в республике насчитывалось более 46,5 тыс. самозанятых — в 1,5 раза больше, чем в аналогичном периоде 2023 года [4]. Фискальный эффект режима также демонстрирует выраженную положительную динамику: налоговые поступления от самозанятых за восемь месяцев 2024 года составили 95,9 млн рублей, превысив показатель аналогичного периода 2023 года на 45,4 млн рублей [4]. Для сравнения: в 2021 году годовые поступления составляли лишь 8,4 млн рублей — таким образом, за три года фискальный эффект режима вырос более чем в одиннадцать раз. Среднедушевой доход самозанятого в республике также демонстрирует положительную динамику: если в первом полугодии 2021 года он составлял около 45 тыс. рублей на одного зарегистрированного, то к 2024–2025 годам данный показа-

тель существенно вырос вслед за общероссийской тенденцией к увеличению среднего размера сделки [3, с. 36].

Отраслевая структура самозанятости в Республике Бурятия отличается выраженной концентрацией в сфере потребительских услуг (рис. 1). По данным Министерства промышленности и торговли Республики Бурятия, среди граждан, добровольно указавших вид деятельности при регистрации, лидируют косметические и парикмахерские услуги, маркетинг и реклама, строительство и ремонт, автомобильные перевозки, а также торговля товарами собственного производства. Важно подчеркнуть, что указание вида деятельности при регистрации носит добровольный характер, в связи с чем приведенные данные отражают лишь часть общей картины. Среди регионально значимых ниш выделяются репетиторство, аренда жилья — в первую очередь в контексте туристического потока на Байкал, а также этнокультурные ремесла, органично вписывающиеся в концепцию развития туристической отрасли республики. Перечисленные виды деятельности объединяет одна характерная черта: они не требуют значительного стартового капитала и могут осуществляться в индивидуальном формате, что соответствует самой природе института самозанятости.

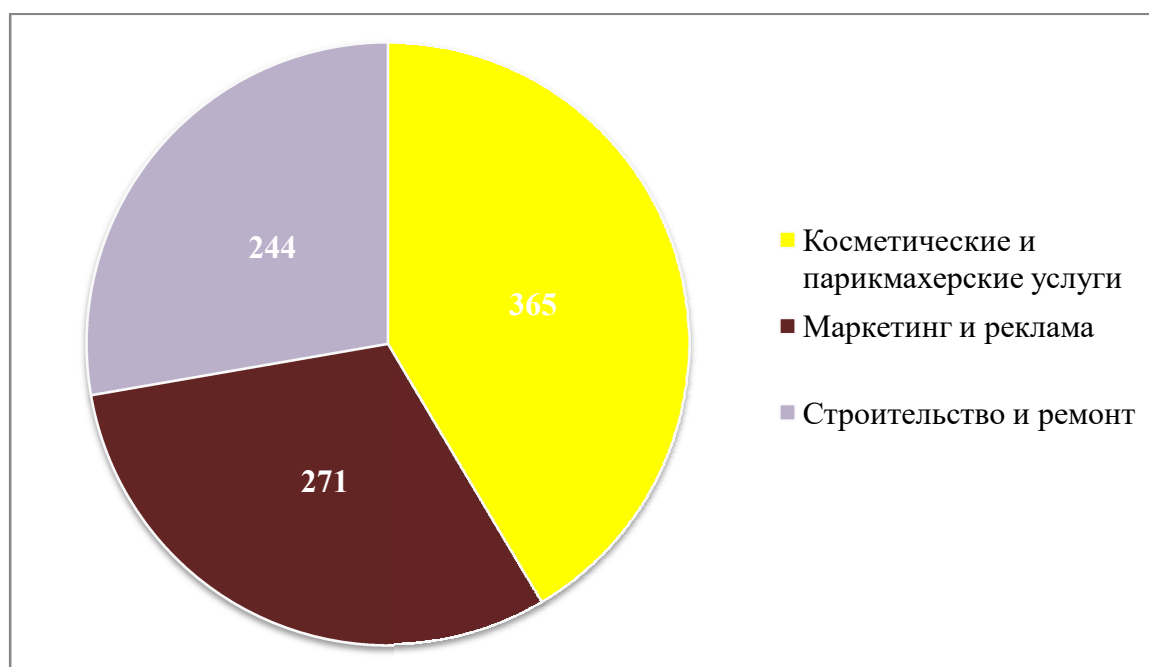

Рис. 1. Виды деятельности самозанятых в Республике Бурятия

Принципиальной структурной проблемой остается территориальная диспропорция: подавляющее большинство самозанятых сосредоточено в Улан-Удэ, тогда как сельские районы республики охвачены режимом НПД крайне слабо. Между тем именно сельские территории характеризуются наиболее острой ситуацией с занятостью населения и наибольшим потенциалом легализации неформального труда [1, с. 130]. Данная проблема неоднократно поднималась на уровне Народного Хурала Республики Бурятия: депутаты указывали на необходимость активизации работы с жителями сельской местности и усиления методической поддержки на уровне районов [4]. Таким образом, нынешняя география самозанятости в республике воспроизводит общую пространственную асимметрию регионального рынка труда, а не сглаживает ее.

Система государственной поддержки самозанятых в Республике Бурятия формируется на двух уровнях — федеральном и региональном. На федеральном уровне самозанятые вправе претендовать на социальный контракт — целевую субсидию на открытие собственного дела, льготное кредитование по государственным программам, а также налоговый вычет при регистрации. На региональном уровне действуют микрозаймы до 500 тыс. рублей через Гарантийный фонд Бурятии, доступны услуги Центра «Мой бизнес» — включая обучение, помощь в выходе на маркетплейсы, проведение предметной фотосъемки для создания контента, а также поддержку в рамках программы «Мама-предприниматель», ориентированной на женщин с несовершеннолетними детьми. Программная составляющая поддержки реализуется в рамках национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». Показательна масштабная плановая активность на ближайшую перспективу: на 2025 год запланировано заключение 905 социальных контрактов по осуществлению индивидуальной предпринимательской деятельности на общую сумму 300,5 млн рублей [5], что свидетельствует о системном характере региональной политики поддержки самозанятых.

Вместе с тем развитие института самозанятости в республике сопряжено с рядом системных проблем, ограничивающих его потенциал. Во-первых, сохраняется выраженный территориальный барьер. В сельской местности Бурятии исторически складывается наиболее острая ситуация с занятостью ввиду низкого числа постоянных рабочих мест и ограниченного присутствия работодателей [1, с. 133]. При этом регистрация в качестве самозанятого требует наличия смартфона и стабильного доступа к интернету — условий, которые в удаленных районах республики до сих пор не являются само собой разумеющимися. Цифровой разрыв тем самым превращается в институциональный барьер, воспроизводящий пространственное неравенство на рынке труда.

Во-вторых, установленный лимит дохода в размере 2,4 млн рублей в год фактически ограничивает возможности масштабирования деятельности и снижает долгосрочную привлекательность режима для тех, кто стремится к развитию бизнеса. Достигший порогового значения самозанятый оказывается перед выбором: переходить на иной, значительно более обременительный налоговый режим или искусственно сдерживать рост. Ни тот, ни другой сценарий не отвечает интересам региональной экономики.

В-третьих, природоохранные ограничения Байкальской природной территории де-факто исключают ряд потенциально востребованных видов деятельности, в которых самозанятые могли бы органично занять рыночную нишу, — в частности, отдельные направления рыболовства и туристического сервиса без соответствующего лицензирования. В условиях, когда туризм является одним из стратегических приоритетов развития республики, подобное противоречие между природоохранным регулированием и логикой развития самозанятости требует отдельного внимания со стороны региональных органов власти.

В-четвертых, сохраняется риск формальной регистрации без реальной устойчивой деятельности. Исторический опыт субсидирования занятости в регионе свидетельствует о том, что часть получателей государственной поддержки прекращает деятельность сразу после истечения обязательного периода, что фактически превращает поддержку в разовую выплату, а не в инструмент долгосрочного развития [4]. Преодоление данной проблемы требует не столько ужесточения контроля, сколько выстраивания полноценного сопровождения самозанятых на протяжении первых лет деятельности.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Институт самозанятости в Республике Бурятия за пять лет прошел путь от точечного эксперимента до массово-

го явления: численность участников режима НПД превысила 56 тыс. человек, фискальный эффект вырос более чем в одиннадцать раз, а режим прочно вошел в повседневную практику экономически активного населения республики. Вместе с тем количественный рост сопровождается структурными дисбалансами: территориальной концентрацией в городской среде, отраслевой узостью и недостаточным охватом сельских территорий, где потребность в альтернативных формах занятости наиболее высока.

В целях устранения выявленных ограничений и повышения эффективности института самозанятости как инструмента региональной политики занятости представляется целесообразным реализовать следующие меры. Первое — организация мобильных консультационных пунктов по регистрации самозанятых в сельских районах республики с привлечением специалистов центров «Мой бизнес». Второе — формирование тематических кластеров самозанятых, ориентированных на байкальский экотуризм и этнокультурное производство, что позволит задействовать уникальные конкурентные преимущества региона. Третье — включение показателей охвата сельского населения режимом НПД в систему ключевых показателей эффективности муниципальных образований республики, что создаст административный стимул для работы на местах. Последовательная реализация данных мер позволит трансформировать институт самозанятости из преимущественно городского явления в полноценный инструмент сбалансированного развития регионального рынка труда.

Литература

1. Бюраева, Ю. Г. Занятость и рынок труда республики Бурятия: динамика, структура, дисбаланс / Ю. Г. Бюраева // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2023. № 4. С. 125–142. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=59495645> (дата обращения 21.05.2026).
2. Нуреев, Р. М. Неформальная Занятость в России: новые тенденции развития в XXI веке / Р. М. Нуреев, Д. Р. Ахмадеев // Journal of Economic Regulation. 2019. Т. 10, № 3. С. 6–22. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41247937> (дата обращения: 21.05.2026).
3. Одинцова, Е. В. Легализация неформальной занятости в России: основные итоги и нерешенные проблемы / Е. В. Одинцова // Уровень жизни населения регионов России. — 2020. Т. 16, № 1. С. 33–42. URL : <https://elibrary.ru/item.asp?id=42785644> (дата обращения 21.05.2026).
4. Республика Бурятия // Официальный портал. В Бурятии растет количество самозанятых. URL: https://egov-buryatia.ru/minec/press_center/news/detail.php?ID=183199 (дата обращения: 21.05.2026).
5. Республика Бурятия // Официальный портал. Число зарегистрированных самозанятых граждан в Республике Бурятия достигло 56 тыс. человек. URL: <https://egov-buryatia.ru/fns-news/detail.php?ID=192875> (дата обращения: 21.05.2026).

Статья поступила в редакцию 27.05.2026; одобрена после рецензирования 29.05.2026; принята к публикации 05.06.2026.